

КНИЖНАЯ ПОЛКА

О книге «Повесть о братьях Сога. Сога моногатари»

М.С. Коляда

Повесть о братьях Сога. Сога моногатари. (Литературные памятники древней Японии, X) // Пер. с яп., вступ. ст., коммент. В.А. Онищенко. – СПб.: Гиперион, 2016. – 368 с. ISBN 978-5-89332-273-6

В 2016 г. вышел в свет перевод на русский язык одного из ярчайших памятников японского средневековья – «Повести о братьях Сога». Легенды о братьях Сога вдохновляли японских творцов веками, и потому «Повесть» по праву занимает значительное место в японской культуре как произведение цитируемое и переосмысливаемое неоднократно. Однако для исследователя-япноведа «Повесть» являет собою не только интересное литературное произведение, но и текст, предоставляющий обширные возможности для изучения паттернов японской культуры. Особенно важен этот первоисточник оказывается для любых попыток проследить эволюцию идеологии воинского сословия Японии.

Принадлежащая к ряду текстов жанра *гунки моногатари*, «Повесть», однако, несколько отличается от других своей тематикой: «Повесть о братьях Сога» нередко выделяют из общего ряда воинских повествований, отмечая, что в предыдущих *гунки* речь шла о

столкновениях сил, по-разному ориентированных политически, о столкновениях воинских кланов или социальных слоёв, о борьбе, в которую была вовлечена вся страна, а в “*Сога моногатари*” сюжет замыкается на личных отношениях, на мести двух братьев виновнику смерти их отца» [1, с. 249].

Согласно вступительной статье к переводу, старейший сохранившийся полный список «Повести» датируют 1546 г., старейший, от которого сохранился лишь первый свиток, – 1528 г. (с. 11), а В.Н. Горегляд, кроме того, указывает: «Известно, что “Повесть о братьях Сога” в десяти свитках уже существовала в начале эпохи Северной и Южной династий, т.е. к середине XIV века, и была, по общему признанию, создана монахами буддийского храмового комплекса Хаконэ» [1, с. 247].

Историко-культурные реалии, на фоне которых разворачивается действие «Повести», во вступительной статье к переводу кратко описывает В.А. Онищенко. Изображаемое время – эпоха, когда конфликт Тайра и Минамото подошёл к концу, и затем – правление Ёритомо, первого камакурского сёгуна. Хотя, по сути, первым человеком, который организовал воинское правление в Японии, был Тайра Киёмори, теперь происходящее принимает новый масштаб, меняются люди, меняются порядки. Отголоски ощущения «смены времён» звучат в речах героев, когда они отмечают, говоря о мести, основе сюжета «Повести», – что быломu самоуправству воинов пришёл конец, и в «нынешние времена» нельзя безнаказанно покарать своего врага. Месть в японской культуре воспринималась не всегда одинаково и однозначно. Легальность таких поступков варьировалась в зависимости от эпохи и бытующей на тот момент государственной идеологии¹. В итоге именно месть послужила почвой для конфликта различных видов долга, жертвами которого и стали братья Сога.

Первопричиной кровавой истории послужил спор о наследстве между двумя господами самурайского рода, Ито-но Сукэтика и Кудо Сукэцунэ. Спорили господа о земле, и первоначально правда была на стороне Сукэцунэ, покойному отцу которого прежде принадлежало имение Ито. Однако Сукэтика, всю жизнь считавший себя обделённым, не собирался отдавать поместье племяннику, а в конце концов даже забрал у него жену, свою дочь. И Сукэцунэ, доведённый до отчаянья коварством Сукэтика, посчитал, что не сможет добиться своего законными методами, и решил дядю убить, все прошлые благодеяния позабыв.

Сукэцунэ призвал двух своих слуг, чтобы те лишили жизни его недруга. И вот убийцы стали выслеживать Сукэцунэ. В поместье Ито между тем устроили большую охоту. Здесь и появляется Кавадзу-но Сукэмита, отец братьев Сога, который описывается как замечательный воин: он «от рождения отличался сдержанностью, высказывался разумно и превзошёл прочих на пути овладения воинскими искусствами. Прекрасен лицом, статен телом, он лучше других преуспел в науках и искусствах» (с. 52–53). Он был так серьёзен, что

¹ Так, Икэгами Эйко рассматривает восприятие мести как одну из составляющих культуры чести, которую, в свою очередь, связывает с социальными и экономическими характеристиками самурайского класса, с типом отношений между господином и его вассалом и др., в конечном счёте получая эволюцию от дозволенности лично отплатить за обиды (возможности одной семьи мстить другой) к ситуации, когда обе стороны конфликта самураев одинаково несут наказание, а затем – к ещё более жёсткому сокращению права воинов самовольно сражаться друг с другом, вплоть до полного отрицания такого права в случае с самураями высокого ранга (см. [2, с. 201–203, 333]).

никто даже не решался пригласить его поучаствовать в борьбе и увеселениях, в которые господин Кавадзу весьма успешно включается, однако, когда один из борцов затронул честь *эбоси-оя* (человека, который надел на него шапку взрослого мужчины) Сукэмита. В этой же главе, когда дело чуть не дошло до кровопролития, появляется и Минамото-но Ёритомо, причём в качестве человека, обращающегося к божеству с просьбой о мире и прекращении беспорядка (с. 57)! В «Повести» образ Ёритомо вообще очень положительный, образ гаранта стабильности и благосостояния, но об этом немного подробнее скажем ниже. После охоты слуги Сукэцунэ делают попытку исполнить задуманное, и, хотя самого Ито у них убить не получается, его сын, Сукэмита, погибает, поражённый стрелой. У Сукэмита осталось два сына, Итиман и Хакоо (когда они повзрослеют, братьев будут называть Дзюро и Горо). Когда их мать в горе приказала отомстить убийце отца, Итиман, старший, запомнил это. И дальше, что бы ни говорили люди, даже мать, братья росли, думая о мести за отца. Сама же женщина, которую едва удалось отговорить от самоубийства, позже стала женой господина Сога, под фамилией которого и стали известны братья.

Хакоо мать отдала в монахи, однако он, думающий лишь о мести, спустя несколько лет избегает пострига и возвращается к брату. Мать расценивает это как нарушение долга по отношению к ней и к отцу, который, умерши от стрелы, находится «в мире асуров» (здесь речь идёт о том, что воины изначально являются людьми грешными из-за того, что следуют «Пути лука и стрел», и потому обречены страдать в мире вечных сражений). Теперь оба брата, ставшие воинами, начинают готовиться к реализации своих планов.

По характеру два главных героя весьма различаются. Дзюро – более доверчивый, более мягкий, Горо – более осмотрительный, решительный и мрачный, и он во многих моментах выступает будто старшим в их паре, что иногда специально обыгрывается в тексте, где мелкие детали указывают на несоответствие ролей братьев фактическому старшинству. Сосредоточенность на мести, кажется, отрезает Горо вообще какую-либо возможность к иному существованию.

Братья Сога пытались привлечь к своим планам других родственников, однако потерпели неудачу. Их единоутробный брат Кодзиро отказался участвовать в мести и подробно описал возможные процедуры положенных жалоб при нынешних порядках. Ёити, другой родич, вообще собирался донести на братьев в Камакура, но его отговаривают (примечательно, что узнавший об этом уже после смерти братьев Сога Ёритомо отнёсся к подобному проявлению «верноподданнического рвения» крайне неодобрительно). Оставшись только вдвоём, братья долго ищут удобного случая разделаться с врагом, и, в конце концов, решают тайком присоединиться к охоте Правителя.

Перед тем как отправиться на верную смерть, братья встретились с матерью, добились прощения для Горо, а потом, простившись в последний раз, написали ей письмо и отправились в сопровождении своих верных слуг исполнять задуманное.

Хотя у мстителей вроде бы и нет желания вредить непричастным людям, зарубив, наконец, своего врага – самым постыдным для него образом, застав в постели, а не в доспехах, – братья затевают битву и доблестно сражаются с самураями Ёритомо, которые оказались на редкость не готовы к подобному вторжению. Когда Дзюро погибает в битве, он просит брата рассказать Правителю обо всём (то есть всё-таки заботится о том, чтобы

Ёритомо, который, в конечном счёте, является и господином братьев Сога тоже, правильно понял их мотивы, хочет оставить своё имя чистым). Следуя желанию старшего брата, Горо пытается пробиться к Правителю и попадает в плен. Ёритомо допрашивает преступника и, впечатлённый его искренностью и твёрдостью, хочет помиловать, отмечая, что Горо – образец доблестного воина. Однако, поскольку у убитого Сукэцунэ остались сыновья, решено было казнить пленника, чтобы положить конец кровавой вражде. Ёритомо также формулирует свою позицию относительно мести: пусть он и не может не уважать проявленную доблесть и своеобразную обоснованность содеянного братьями Сога, «если и впредь следовать правилу награждать того, кто убил своего врага, то потом бесчинствам не будет конца» (с. 312).

Десятый свиток данного варианта «Повести» посвящён судьбе других героев после смерти братьев. Большая часть из них так или иначе приняли постриг. А затем обрели перерождение в Чистой Земле, как мать братьев или Тора, которая удалилась от мира и способствовала спасению многих людей.

С литературной точки зрения, «Повесть», на наш взгляд, отличается тонким психологизмом, понятным даже читателю совсем иной эпохи, человеку, которого взрастила совсем иная культура. Что касается композиции произведения, повествование здесь, подобно греческим трагедиям, рассчитано на то, что читатель заранее знает рассказываемую историю², заранее переживает ощущение неотвратимости печального конца и грустит об этом, да ещё для усиления эффекта в тексте периодически об этом конце напоминает («как жаль, что братьев все-таки убили потом!»).

Сходство с греческой трагедией этим не ограничивается. Подобно героям трагедий, братья Сога оказываются в ситуации, благополучного выхода из которой для них просто нет, причём поставлены в такое положение не по собственной воле и не в результате собственных поступков. Для них «нормальная» жизнь, в общем-то, невозможна изначально: месть по умолчанию ведёт их к смерти, а неисполнение мести – к потере самих себя, потому что означает нарушение их собственного понимания чести и должной жизни. Братья – пленники системы «долга», разные виды которого конфликтуют между собой. Прежде всего здесь сталкивается долг перед господином и долг перед родителями. Долг перед господином, в реальной жизни (и особенно на ранних стадиях развития самурайской идеологии) гораздо более корыстно обоснованный (долг всегда был обоюдным: слуга должен господину, но и господин имеет определённые обязательства по отношению к слуге) и вообще нередко воинами игнорируемый, насколько бы пластичным понятием ни был, в описываемое в «Повести» время совершенно чётко предполагал подчинение сёгуну и следование установленным им законам, которые не одобряли личную месть. Однако долг перед отцом, как его понимают братья Сога, требовал от них отмщения его убийце, который оставался безнаказанным и недостижимым для закона. Два вида долга оказываются прямо противоречащими друг другу.

² Возможно также, что такое построение произведения объясняется происхождением *гунки моногатари*, их связью с традицией *бива-хоси* (как в случае, когда первичен устный вариант, так и в обратном) и даже текстами жанра *сэцува* (об истоках жанра см., например, [3]). Сюжет «*Сога моногатари*», предположительно, сначала бытовал в виде устных рассказов (с. 11).

С другой стороны, есть долг братьев перед господином Сога, который их вырастил и воспитал, и этот долг тоже несовместим с мстостью, потому что противозаконный поступок братьев должен был повлечь за собой неприятные последствия и для некогда взявшего их под свою ответственность отчима. Мать, ещё в детстве увещевая братьев отказаться от их замысла, указывает им на это и говорит: «...даже птицы и звери ведают, что такое благодарность» (с. 137). Кроме того, есть ещё великий долг братьев перед матерью, который они не смогут исполнить, если погибнут: они должны заботиться о матери в старости, молиться о её благой посмертной участи, о которой никто не позаботится в случае смерти детей, да и просто грешно причинять ей страдания своей гибелью. В итоге Горо и Дзюро приходится выбирать между различными видами долга, которые непримиримы между собой и практически равнозначны, и потому полностью благополучный исход для братьев невозможен.

Нужно отметить, что выбор братьев не самоочевиден, они предпочли долг перед отцом, но в литературе встречались и случаи, когда на первое место ставили долг перед господином, например, знаменитая история сорока семи ронинов. Своего рода образец верности господину есть и в самой «Повести»: слуги братьев, Тандзабуро и Ониомару, выражают желание умереть вместе с господами, а затем, согласно желанию братьев Сога, оставшись в живых ради исполнения их поручения, принимают постриг.

Даже сам Правитель понимает, в какой ситуации оказались братья. Ёритомо предстаёт в образе мудрого повелителя, который, вроде бы, будучи благородным воином, сочувствует доблестным братьям, но в то же время не может преступить собственный закон. Ёритомо, прежде всего, ставит перед собой цель замирения страны, печётся о том, чтобы везде был порядок. Благодаря мощи Ёритомо «молодые воины утишили свои сердца, стихли свары по державным и личным делам, и не было никого, кто бы ему не подчинился» (с. 35). Ёритомо описывается набожным правителем, но, кроме того, ещё справедливым и даже милосердным: так, он казнит преступника Горо, но затем заботится о судьбе родственников братьев Сога. С другой стороны, читатель видит Ёритомо ещё до его победы как некоего печального героя, Ёритомо как семьянина, в его отношении к любимым женщинам и ребёнку, что делает этот образ более «человечным». К тому же сёгун изображается человеком чутким – он выдаёт награду за стихи, ценит хорошую поэзию и сам при случае может сложить подходящую песню. Таким и полагается быть идеальному воину в «Повести» (и главные герои тоже не раз выражают свои чувства в стихах). В эпизоде, когда друзья братьев отговаривают подлеца Ёйти доносить о замыслах мстителей, один из них говорит: «Хорошим воином называют такого, который способен глубоко сопереживать» (с. 196). Потому неудивительно, сколь часто суровые воины «отжимают мокрые от слез рукава».

Отдельного упоминания заслуживают женские образы в «Повести». Ярких женщин здесь три: Масако, жена Уцуномия и Тора, возлюбленная Дзюро. Масако описывается как во всём выдающаяся женщина, бесконечно преданная Ёритомо, набожная и мудрая, а кроме того, мужеством сравнимая с мужчинами. Есть в третьем свитке следующая формулировка: «Наверное, поэтому (благодаря истовым молитвам. – М.К.) после смерти Камакурского правителя, как член его семьи, госпожа Второго ранга разбила столичную армию в смуту годов Дзёкю. Несмотря на то, что она была женщиной, тверда была в вере она, и, наверное, потому тут же было воздано ей. Когда в Танскую страну повезли “Повесть о доме Тайра”,

а вместе с ней и “Повесть о братьях Сога”, жители Танской страны, прочитав об этом, восхищались: “Мала страна Япония, а есть в ней такие женщины!”» (с. 116–117). Масако здесь фактически признается самостоятельным политическим деятелем, полководцем. Жена Уцуномия – ещё один пример замечательной во всех отношениях женщины, двадцатитрёхлетняя дама, которая по распоряжению своего мужа организовала постройку целого поселения к приезду Ёритомо. История Торы не уступает в романтичности истории любви Масако и Ёритомо. Тора была «разрушительницей крепостей» – куртизанкой, а в семнадцать лет встретив Сога Дзюро, с тех пор всегда оставалась ему верна. Дзюро поделился с нею планом мести, и женщина его по-своему поддержала, а после смерти любимого стала монахиней и посвятила всю свою жизнь молитвам за него. Особенно примечательный эпизод среди историй странствований Торы рассказывает о том, как, уже будучи монахиней, она повстречала жену Отоная, воина, которого убили братья Сога, исполняя свою месть (с. 346–347). Подвижницы прониклись сочувствием друг к другу и совершили совместное паломничество, не испытывая неприязни, будто там, где мужчины ссорились и развязали кровавую трагедию, – женщины пришли к миру и прощению.

Этим, безусловно, не исчерпываются моменты, которые могут быть интересны как для читателя-япноведа, так и для любого ценителя старинной литературы. Можно рассматривать произведение как материал для изучения моделей японской культуры, тех или иных воззрений описываемой эпохи, источник многослойный и многообещающий. И, с другой стороны: яркие герои, тонкость описания их душевных терзаний, красивый язык повествования, трагическая безвыходность положения действующих лиц и мужество, с которым они эти события встречают, – оценив всё это, легко понять, почему «Повесть о братьях Сога» по праву занимает своё место шедевра, отзвуки влияния которого можно обнаружить в японской культуре не одно столетие спустя.

Библиографический список

1. *Горегляд В.Н.* Японская литература VIII—XVI вв.: Начало и развитие традиций. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 400 с.
2. *Ikegami Eiko.* The Taming of the Samurai: Honorific Individualism and the Making of Modern Japan. Cambridge: Harvard University Press, 1997. 428 p.
3. *Steenstrup Carl.* Notes on the Gunki or Military Tales: Contributions to the Study of the Impact of War on Folk Literature in Premodern Japan // *Comparative Civilizations Review*. 1980. Vol. 4: No. 4. P. 1–28. URL: <http://scholarsarchive.byu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1027&context=ccr> (дата обращения: 03.08.2017).

Поступила в редакцию 03.08.2017

Автор:

Коляда Мария Сергеевна, аспирантка философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: warrriormary@yandex.ru

On the Narrative “The Tale of the Soga Brothers”

M.S. Kolyada

Received 03.08.2017

Author:

Kolyada Maria S., Postgraduate, Lomonosov Moscow State University. E-mail: warriormary@yandex.ru